

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2379](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2379)

А. О. Макаренцева, С. С. Бiryukova

ФАКТОРЫ, УСТОЙЧИВОСТЬ И РЕАЛИЗАЦИЯ РЕПРОДУКТИВНЫХ НАМЕРЕНИЙ В РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Макаренцева А. О., Бiryukova С. С. Факторы, устойчивость и реализация репродуктивных намерений в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 31—56. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2379>.

For citation:

Makarentseva A. O., Biryukova S. S. (2023) Factors, Consistency, and Realization of Reproductive Intentions in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 31–56. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2379>. (In Russ.)

Получено: 01.02.2023. Принято к публикации: 23.03.2023.

ФАКТОРЫ, УСТОЙЧИВОСТЬ И РЕАЛИЗАЦИЯ РЕПРОДУКТИВНЫХ НАМЕРЕНИЙ В РОССИИ

МАКАРЕНЦЕВА Алла Олеговна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
E-MAIL: makarentseva-ao@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0091-7532>

БИРЮКОВА Светлана Сергеевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных исследований социальной политики Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; заместитель ответственного редактора журнала «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены»
E-MAIL: biryukova_s@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0003-2626-7021>

Аннотация. Статья продолжает и обобщает накопленный авторами опыт исследований репродуктивных намерений в России, включая оценку их динамики и степени реализации с первой половины 2000-х годов до настоящего времени. Авторы опираются на кросс-секционные и панельные данные двух репрезентативных выборочных обследований населения: опроса «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проведенного в 2004, 2007 и 2011 гг., и опроса «Человек, семья, общество» 2017 и 2020 гг. Если в 2004—2011 гг. принципиальных изменений в распределении ответов о репродуктивных намерениях не наблюдалось, то к 2017 г.

FACTORS, CONSISTENCY, AND REALIZATION OF REPRODUCTIVE INTENTIONS IN RUSSIA

Alla O. MAKARENTSEVA¹ — Cand. Sci. (Econ.), Leading Research Fellow at the Institute of Social Analysis and Forecasting
E-MAIL: makarentseva-ao@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0091-7532>

Svetlana S. BIRYUKOVA^{2,3} — Cand. Sci. (Econ.), Leading Research Fellow at the Centre for Comprehensive Social Policy Studies, Institute for Social Policy; Deputy Executive Editor at the “Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes” Journal
E-MAIL: biryukova_s@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0003-2626-7021>

¹ Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

³ Russian Public Opinion Research Center, Moscow, Russia

Abstract. The article elaborates the research of reproductive intentions in Russia. The authors study the dynamics and realization of the declared reproductive intentions from the first half of the 2000s to the present days. The study bases on cross-sectional and panel data from two representative population surveys, namely, the survey "Parents and Children, Men and Women in the Family and Society" (Russian GGS) conducted in 2004, 2007, and 2011, and the survey "Person, Family, Society" held in 2017 and 2020. The data shows no fundamental changes in the distribution of answers about reproductive intentions in 2004–2011. However, by 2017 the respondents began to

респонденты стали значительно чаще выражать «определенно положительные» репродуктивные намерения. При этом уровень реализации определенных намерений среди женщин не изменился за весь период наблюдения и устойчиво составляет около 40%. Наиболее значимым фактором реализации положительных репродуктивных намерений на протяжении всего периода наблюдения оказался партнерский статус, причем шансы появления ребенка повышаются как в связи с наличием стабильного партнерства, так и в связи со сменой партнера. К значимым факторам, отрицательно связанным с реализацией репродуктивных намерений, относится низкая субъективная оценка материального положения семьи.

Ключевые слова: рождаемость, репродуктивные намерения, панельные данные, реализация репродуктивных намерений, репродуктивные планы

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС на 2023 г..

express certain positive reproductive intentions significantly more often. At the same time, the level of realization of certain intentions among women has not changed over the entire observation period and levels around 40%. The most significant factor in the implementation of positive reproductive intentions turned out to be partner status, and the chances of having a child increase both due to the presence of a stable partnership and due to a change of partner. Significant factors that are negatively associated with the implementation of reproductive intentions include a low subjective assessment of the financial situation of the family.

Keywords: fertility, reproductive intentions, panel data, realization of reproductive intentions, reproductive plans

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the State task of the InSAP RANEPА for 2023.

Что такое репродуктивные намерения и для чего исследовать их динамику и реализацию?

Намерения — часть системы репродуктивных установок¹, включающей показатели идеального, желаемого и ожидаемого числа детей, а также планы по рождению детей на определенный горизонт времени. Репродуктивные намерения могут измеряться на индивидуальном уровне и в паре, в том числе в динамике. Со временем они могут меняться — в зависимости от этапа жизненного пути человека, его партнерского статуса, состояния здоровья (факторы микроуровня) и под влиянием социально-экономического контекста (факторы макроуровня).

В условиях, когда контроль над рождаемостью со стороны населения достаточно высок, именно намерения опосредуют ее динамику в кратко- и среднесрочной

¹ Исследования мнений о репродуктивных установках имеют длинную историю, подробнее авторы писали о них в [Макаренцева, Галиева, Рогозин, 2021].

перспективе. Однако для прямых прогнозов рождаемости они не подходят из-за недостаточной предсказательной силы [Рощина, Бойков, 2005; Синявская, Тын-дик, 2009; Малева, Тын-дик, 2013]. Репродуктивные намерения неустойчивы [Miller, Pasta, 1995; Schoen et al., 1999; van de Kaa, 2001], что не является их недостатком, но указывает на возможность их интерпретации как индикатора изменений в настроениях людей. Увеличение численности мужчин и женщин, декларирующих намерение родить ребенка в обозримом будущем, отражает благоприятные тенденции в рождаемости — в частности, может быть откликом на усиление поддержки семей с детьми или улучшение экономической конъюнктуры. В быстро меняющихся обществах, а также на фоне кризисов и социально-экономических шоков намерения становятся индивидуальным ответом на вопрос: «*Сейчас подходящее время родить ребенка?*» Реализация же намерений показывает, насколько микро- и макроэкономические, а также социальные условия благоприятствуют претворению обозначенного желания иметь ребенка в конкретный интервал времени. Таким образом, исследования динамики намерений и степени их реализации позволяют оценить соответствие сложившихся экономических, инфраструктурных и социальных условий запросу тех женщин и семей, которые намереваются родить ребенка в ближайшем будущем.

В представленной статье рассматривается один из показателей системы репродуктивных установок населения, а именно репродуктивные намерения на конкретный горизонт времени. Авторы обобщают собственный опыт исследований репродуктивных намерений в России и дополняют его новыми эмпирическими оценками. Цель этой работы — оценить динамику, устойчивость, а также значимость различных факторов реализации репродуктивных намерений российского населения с первой половины 2000-х годов до настоящего времени. За более чем 15-летний горизонт наблюдений в России менялись политические и экономические условия, композиция семейной и демографической политики, а также численность и структура поколения, пребывающего в активных репродуктивных возрастах. Длительность наблюдения и разнообразие внешних факторов позволяют составить представление об устойчивости этих индикаторов и сформулировать предположения относительно ключевых факторов, связанных с динамикой репродуктивных намерений и успешностью их реализации.

Теоретико-методологические основы исследований репродуктивных намерений

Репродуктивное поведение — это результат принятия индивидуального решения иметь (еще одного) ребенка или нет под воздействием всего многообразия внутренних и внешних факторов в каждый момент времени. Формирование этого решения можно рассматривать как длительный процесс, и репродуктивные намерения, замеренные в разные периоды, отражают его ход.

Классической концепцией, в рамках которой рассматриваются механизмы возникновения и реализации репродуктивных намерений, является теория планируемого поведения Исаака Айзена и Мартина Фишбейна [Ajzen, Fishbein, 1980; Fishbein, Ajzen, 2009], возникшая в развитие теории обоснованных действий (см., например, [Fishbein, Ajzen, 1975]). И. Айзен и М. Фишбейн определяли «намере-

ние» как «субъективную вероятность совершения какого-либо поведения», а отношение, субъективные нормы и воспринимаемый поведенческий контроль считали лучшими предикторами намерения. С момента появления этой теории исследователи рождаемости неоднократно апробировали ее в контексте изучения процесса принятия репродуктивных решений (см., например, [Billari, Philipov, Testa, 2009; Dommermuth, Klobas, Lappegård, 2011; Ajzen, Klobas, 2013; Miller, Pasta, 1995] и т. д.). При этом для прогнозирования поведения в этой сфере в опросах населения обычно задается прожективный вопрос о намерениях на конкретный относительно короткий временной горизонт — от двух до четырех лет [Billari, Kohler, 2004]. Это позволяет уйти от более общих или нормативных представлений о желаемом, идеальном или ожидаемом на всем периоде жизни числе детей и перейти к более предметному разговору с респондентами о планировании поведения в существующем на момент опроса контексте.

Репродуктивные намерения аккумулируют учет двух уровней фоновых факторов — личного (наличие партнера, качество отношений с ним, внутренняя готовность к рождению ребенка и т. д.) и социально-экономического (материальное положение и его перспективы, экономическая ситуация в стране проживания и т. д.). Веса этих групп факторов принципиально разные, в связи с чем модель принятия решения можно считать двухступенчатой: сначала оцениваются личные факторы, затем, при их положительной оценке, принимаются во внимание социально-экономические условия. При этом Айзен [Ajzen, 2005; Ajzen, 2011] отмечал ряд исследований, в которых базовые социально-демографические характеристики индивидов рассматриваются как оказывающие прямое влияние на намерения и их реализацию. В то же время Франческо Биллари с соавторами указывают, что «в идеальных условиях измерения и операционализации компонентов „теории планируемого поведения“ прямое влияние социально-демографических факторов должно отсутствовать» [Billari, Philipov, Testa, 2009], поскольку они определяют индивидуальные отношения, социальные нормы (прежде всего в ближайшем социальном окружении) и возможности поведенческого контроля, которые, в свою очередь, уже являются факторами репродуктивных намерений.

Измерение репродуктивных намерений, как и других мнений или субъективных оценок в отношении рождения детей, представляет собой отдельную методологическую задачу. Ни зарубежные, ни российские исследователи никогда не стремились трактовать их буквально, ведь «любое мнение по вопросам деторождения не обязательно отражает установку. Ответ может быть случайным, подверженным влиянию сопутствующих обстоятельств» [Белова, 1975: 12]. Отчасти с этим связана невозможность использования намерений в качестве единственного предиктора поведения.

Степень реализации любых намерений человека — и репродуктивные не исключение — далека от стопроцентной [Bongaarts, 1998; Berrington, 2004; Toulemon, Testa, 2005; Tesfaghiorghis, 2007]. Уоррен Миллер и Дэвид Паста отнесли к причинам нереализации положительных намерений такие факторы, как влияние партнера, события жизненного пути, проблемы с репродуктивным здоровьем; а к факторам нереализации отрицательных — влияние партнера, в том числе появление нового, незапланированные беременности [Miller, Pasta, 1995]. Эмпирические ис-

следования показывают: чем более конкретно и уверенно респондент формулирует репродуктивные намерения в ходе опроса, тем лучше и более значимо они предсказывают рождение ребенка [Schoen et al., 1997; Tesfaghiorghis, 2007; Testa, Toulemon, 2006; Miller, Pasta, 1995; Schoen et al., 1999; Morgan, 2001]. Именно намерения как фактор имеют большую валидность по сравнению со всеми прочими индивидуальными характеристиками [Westoff, Ryder, 1977; Van Hoorn, Keilman, 1997; Heiland, Prskawetz, Sanderson, 2008].

Отечественная школа изучения репродуктивных установок традиционно опирается преимущественно на такие показатели, как идеальное, желаемое и ожидаемое числа детей², и реже использует интересующий нас показатель репродуктивных намерений на конкретный горизонт времени. Более того, в отличие от зарубежных исследований, термин «репродуктивные намерения» нередко используется в эмпирических работах в применении к общим показателям системы репродуктивных установок (см., например, [Гудкова, 2019; Архангельский, Васильева, Васильева, 2021] и др.). В этом случае на самом деле анализируется желаемое и ожидаемое число детей, но не намерения или планы на обозримый горизонт времени.

Репродуктивные намерения стали шире фигурировать в качестве объекта изучения в российских исследованиях начиная с 2010-х годов. В качестве теоретической рамки выступают зарубежные концепции, в частности упомянутая выше теория планируемого поведения. Не всегда намерения измеряются на конкретный горизонт времени: иногда в качестве индикатора выступают только общие намерения. Например, вопрос «Хотите ли вы родить (еще) ребенка?» использован в опросе РМЭЗ НИУ ВШЭ³ [Журавлева, Гаврилова, 2017]. Несмотря на общность формулировки, как отмечают работавшие с данными авторы, полученная информация представляет ценность для изучения репродуктивного поведения. Из особенно интересных результатов упомянутой работы Татьяны Журавлевой и Яны Гавриловой следует отметить, что «наличие партнера повышает желание женщины родить ребенка, а вот его доход... и проживание с другими родственниками оказываются незначимыми факторами» [там же: 168].

На термин «репродуктивные намерения» в том же концептуальном понимании, как его используем мы, опираются Ольга Исупова и Валерия Уткина, которые, однако, анализируют материалы глубинных интервью, а значит, не придерживаются строгих формулировок вопроса [Исупова, Уткина, 2016]. В более узком понимании — как индикатор настроений населения — репродуктивные намерения фигурируют в метаобзоре Елены Вакуленко и соавторов, посвященном рождаемости во время пандемии COVID-19 [Вакуленко, Макарова, Горский, 2022]. Авторы отмечают, что в шести из восьми проанализированных опросов в России респонденты оценивают влияние COVID-19 на намерения завести ребенка как негативное, а доля респондентов, планирующих завести детей, в среднем снижается более чем в два раза по сравнению с результатами аналогичных опросов прошлых лет.

² См. обширный пласт опросов в СССР [Белова, 1975: 44], исследования Анатолия Антонова (например, [Антонов, Борисов, 2006]), Владимира Архангельского [Архангельский и др., 2005; Архангельский, 2006] и других.

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/rims/> (дата обращения: 05.04.2023).

Обобщение предыдущих исследований авторского коллектива

В отечественную научную проблематику оценка репродуктивных намерений и их связи с последующим репродуктивным поведением была введена авторским коллективом исследования РидМиЖ⁴ («Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе») под руководством Оксаны Синявской [Семья..., 2009; Синявская, Тынди́к, 2009, 2010]⁵. На данных первой и второй волн опроса РидМиЖ (2004 и 2007 гг.) было показано, что успешность реализации намерения родить ребенка в течение ближайших трех лет составила 38,8% среди «определенно» уверенных и 21,3% среди тех, кто «пожалуй» собирался. Кроме того, ребенка в этот период родили 21,6% из тех, кто собирался это сделать «определенно» позже, и 4,9% из тех, кто, «пожалуй», хотел этого позже⁶. Доля родивших среди тех, кто этого не планировал, составила менее 3%.

В 2013 г. дизайн работы О. Синявской и А. Тынди́к был в точности повторен для второй и третьей волн РидМиЖ (2007 и 2011 гг.) [Малева, Тынди́к, 2013]. Среди определенно намеревавшихся завести ребенка в течение ближайших трех лет это сделали 44%, среди не вполне уверенных — 28,2%. При этом 23,5% из тех, кто определенно собирался родить ребенка, но позже 2010 г., к опросу 2011 г. уже завели детей (и 13,4% из тех, кто был не вполне уверен в своем желании). Авторы отмечали, что именно эти рождения были обусловлены влиянием действующей с 2007 г. демографической политики — отчасти более ранние, чем планировалось, рождения, отчасти дополнительные. Таким образом, уровень реализации ближайших положительных репродуктивных намерений в период 2007—2011 гг. стал несколько выше по сравнению с периодом 2004—2007 гг.⁷ Татьяна Малева и Алла Тынди́к рассмотрели эти оценки в разрезе желаемого числа детей и пришли к выводу, что большинство реализовали уже сложившуюся репродуктивную установку. Предсказуемо, что чем выше она была, тем выше оказалась доля родивших: второго ребенка завели 28,9% настроенных на многодетность и только 15,9% предпочитавших двухдетность. Превышение репродуктивной установки имело место у 6,9% из тех, кто говорил, что хотел бы иметь одного ребенка (но родил второго); а также у 4,8% среди тех, кто хотел двоих детей (но родил третьего).

Кроме того, на данных РидМиЖ были детально оценены факторы формирования и реализации намерений. Так, на реализацию репродуктивных планов влияют факторы, которые можно условно разделить на три группы: демографические, экономические и социальные. К демографическим факторам относятся:

— **Репродуктивные установки.** По имеющимся оценкам, наиболее быстро репродуктивные планы реализуются, если семья хочет завести лишь одного ре-

⁴ Исследование является частью международной программы «Поколения и гендер», подробнее см. URL: <https://www.ggp-i.org/>. Проведено в России в 2004, 2007 и 2011 гг. по репрезентативной выборке около 11 тыс. человек.

⁵ Синявская О. В., Тынди́к А. О. Социальный капитал и гендерное равенство в объяснении рождаемости в России // Демоскоп Weekly. 2010. № 421—422. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0421/analit02.php> (дата обращения: 02.04.2023).

⁶ В данном случае степень уверенности «пожалуй» относится к самому факту рождения, а не к горизонту планирования, что связано с дизайном вопроса (сначала спрашивали про намерения на ближайшие три года, а затем про намерения на дальнейший период).

⁷ Далее будет показано, что удлинение периода наблюдения слабо сказывается на успешности реализации намерений.

бенка [Тындик, 2012]. Перенос намерений на более поздние периоды или отказ от рождения оказывается тем вероятнее, чем ниже была уверенность в рождении ребенка в течение нескольких лет после проведения первого опроса и чем более длинным был горизонт планирования [Синявская, Тындик, 2009]⁸.

— **Наличие детей.** Наиболее точно планируют свое репродуктивное поведение женщины, имеющие на момент проведения опроса партнера и хотя бы одного ребенка. Одновременно с этим вероятность переноса рождения или отказа от него увеличивается с ростом числа детей у женщины [там же].

— **Возраст женщины** является важным ограничителем как репродуктивных намерений, так и репродуктивного поведения [Малева, Синявская, 2007], что может быть связано с естественными биологическими процессами (ухудшение здоровья, в том числе репродуктивного) и с давлением социальных норм (представления о нормативном возрасте материнства могут провоцировать отказ от намерений родить после определенного возрастного рубежа).

— **Наличие, длительность и другие характеристики брака или партнерского союза.** Наличие постоянного партнера — одна из ключевых детерминант репродуктивных намерений и их реализации [там же; Макаренцева, Галиева, Рогозин, 2021]. При этом брачный статус, то есть наличие официальной регистрации союза, не влияет на репродуктивные намерения женщин, состоящих в партнерских отношениях [Малева, Синявская, 2007].

К экономическим факторам относятся прежде всего:

— **Уровень дохода.** Лица с более высоким уровнем дохода в большем числе случаев осуществляют свои репродуктивные намерения по сравнению с менее обеспеченными [Синявская, Тындик, 2009]. Материальная обеспеченность семьи сильнее связана с намерениями по рождению детей на горизонте трех лет, чем с такими характеристиками, как образование или число уже рожденных детей [Малева, Синявская, 2007].

— **Жилищная обеспеченность семей.** Это значимый фактор реализации намерений, а также формирования положительных намерений на ограниченном горизонте. Последняя связь теряет статистическую значимость в том случае, если у женщины нет постоянного партнера [там же].

В число социальных факторов входят:

— **Уровень образования** является одним из основных факторов общих репродуктивных намерений (норм детности). Его влияние на репродуктивные намерения на горизонте трех лет оказывается более слабым, однако сохраняет свою значимость [там же]. В то же время именно среди лиц с высшим образованием наблюдается наибольшее различие между желаемым и реальным числом детей [Тындик, 2012].

— **Ценности и нормы.** Наибольший положительный эффект оказывает позитивное отношение близких к потенциальному рождению [Головляница, 2007]. Значимыми факторами формирования репродуктивных намерений являются также ценностные установки относительно семьи и карьеры, занятости, причем особенно сильно ориентация на реализацию в семье проявляется в связи с по-

⁸ Вклад репродуктивных намерений в объяснение рождаемости в современной России // Лаборатория исследований рынка труда ГУ-ВШЭ. 2009. 2 июня. URL: <https://lirt.hse.ru/news/8469488.html> (дата обращения: 02.04.2023).

ложительными установками на рождение первенца, а при переходе к рождению более высоких порядков эта связь ослабевает [Sinyavskaya, Billingsley, 2015].

Мы полагаем, что этот пул исследований в значительной степени закрывает вопрос о том, как формировались и реализовывались репродуктивные намерения в России в 2010-х годах. Настоящая работа опирается на их результаты, расширяет период наблюдения, включает в анализ новые факторы и фокусируется на трансформации намерений женщин, заявлявших о желании родить ребенка, но не реализовавших его.

Особенности данных и методология исследования

Эмпирическая часть нашей работы опирается на данные двух крупных выборочных обследований населения, реализованных с применением панельной (повторяющейся) выборки — опросов РидМиЖ и ЧСО («Человек, семья, общество»). Анкета последнего во многом унаследовала структуру РидМиЖ, в частности в измерении репродуктивного поведения и намерений⁹. Основная проблема сопоставимости двух опросов заключается в разнице технологий сбора данных: РидМиЖ проводился методом личного опроса (face-to-face) по бумажной анкете, а ЧСО — методом телефонного интервью с электронным заполнением вопросника. Таким образом, мы не можем говорить о буквальной сопоставимости данных, но используем их в работе как наиболее близкие друг к другу источники.

В анализе на базе данных РидМиЖ первой ключевой переменной выступает *интегральный показатель репродуктивных намерений*, объединяющий намерения на ближайшие три года от момента опроса и отложенные намерения¹⁰. В анкете вопросы о намерениях задавались всем респондентам моложе 50 лет в следующих формулировках: «Собираетесь ли Вы завести (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет?» и «Предположим, что Вы не собираетесь заводить (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет, а хотели бы Вы вообще когда-нибудь завести (еще) детей?» с вариантами ответов «определенно да», «пожалуй, да», «пожалуй, нет» и «определенно нет». Из анализа исключались пенсионеры, инвалиды и длительно больные респонденты, а учет рождений проводился с исключением беременностей на момент первой точки наблюдения и включением беременностей на второй.

Второй ключевой переменной становится *показатель устойчивости намерений*. Этот индикатор включает три категории: «не родили ребенка в желаемый срок и отказались от намерений», «не родили ребенка в желаемый срок, но сохраняют намерения родить», «родили ребенка в желаемый срок».

Комплексный анализ данных всех трех раундов опроса (2004, 2007, и 2011 гг.) позволяет ответить на вопросы: что происходило с репродуктивными намерениями россиян, если их не удавалось реализовать в озвученный срок? Какие факторы связаны с сохранением или отказом от репродуктивных намерений?

⁹ Описание и массивы данных доступны по ссылке: Человек, семья, общество 2017 // Портал социологических данных РАНХиГС. URL: <https://social.ranepa.ru/tsentry-i-institut/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognozirovaniya/issledovaniya/86-chelovek-semya-obschestvo-2017> (дата обращения: 05.04.2023). Репрезентативные выборки каждого раунда опроса составляли около 9,5 тыс. респондентов.

¹⁰ Раздельный анализ намерений на ближайшие три года и отложенных, а также общих, то есть не привязанных к временному горизонту, можно посмотреть в [Синявская, Тындик, 2009].

В период с 2007 г. и в течение всех 2010-х годов в России проводилась активная демографическая политика. За это время сменилось поколение мужчин и женщин в активных репродуктивных возрастах, поменялись экономические и социальные обстоятельства. В 2017 и 2020 гг. Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) было проведено панельное обследование «Человек, семья, общество» (ЧСО). Собранные данные позволили еще раз оценить успешность реализации репродуктивных намерений и сравнить ее с оценками десятилетней давности. Опрос 2017 г. содержал идентичный вопрос о репродуктивных намерениях респондентов на ближайшие три года («Собираетесь ли вы завести (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет?»). На него отвечали респонденты репродуктивного возраста (мужчины и женщины до 44 лет включительно), давшие положительный ответ на вопрос «Вы бы хотели иметь (еще) детей?». В 2020 г. был проведен панельный опрос респондентов, ранее давших любой ответ на вопрос о намерениях (кроме «затрудняюсь ответить»), который оценил факт рождения за прошедший период времени.

С опорой на эти данные мы отвечаем на следующие вопросы: какой стала успешность реализации репродуктивных намерений после нескольких лет проведения в России активной демографической политики? Как за это время поменялась сила благоприятных и неблагоприятных факторов реализации репродуктивных намерений?

Методами эконометрического анализа выступают мультиномиальная регрессия на панельных данных 2004—2011 гг. РидМиЖ, а затем — бинарная логистическая регрессия на панельных данных обследования ЧСО.

Эмпирические результаты

Интегральные репродуктивные намерения и их динамика

За период наблюдения трех раундов обследования РидМиЖ (2004, 2007, и 2011 гг.) принципиальных изменений в репродуктивных намерениях россиян не произошло: 23—26 % планировали родить ребенка в ближайшие три года, 20—25 % допускали такую возможность в более отдаленной перспективе, а 51—54 % респондентов детей иметь в дальнейшем не планировали (см. табл. 1). Ниже приведены оценки совместно по мужчинам и женщинам, так как гендерные различия в распределениях ответов невелики — в пределах нескольких процентных пунктов. В разбивке по очередности рождения можно видеть, что в 2011 г. значительно возросла доля тех, кто «пожалуй» планировал рождение первенца в ближайшие три года.

Какова реализация интегральных намерений? Для ответа на этот вопрос перейдем к массиву полных панельных данных трех волн и подвыборке женщин¹¹. Как отмечалось выше, успешность реализации определенных намерений на три года составляет около 40 %, а не вполне определенных — 25 %. Важно, что расширение горизонта наблюдения не сильно поднимает успешность реализации (см. табл. 2). Другими словами, если запланированное рождение не состоялось в намеченный срок, шансы на то, что оно состоится позже, невысоки.

¹¹ Наши предыдущие исследования показали, что ответы женщин о фактических рождениях (с учетом текущих беременностей) в период между опросами оказываются точнее по сравнению с ответами мужчин.

**Таблица 1. Репродуктивные намерения
в зависимости от числа уже рожденных детей, % по строке**

		Определенно да, в ближайшие три года	Пожалуй, да, в ближайшие три года	Да, но не в ближайшие три года	Нет
<i>Интегральные репродуктивные намерения в 2004 г.</i>					
Число род- ных детей (в 2004 г.)	Нет детей	15,3	27,6	41,8	15,3
	1 ребенок	7,3	20,3	23,6	48,7
	2 детей	0,9	3,9	9,1	86,1
	3 детей и более	1,6	3,3	5,3	89,8
Итого		7,2	16,2	22,9	53,7
<i>Интегральные репродуктивные намерения в 2007 г.</i>					
Число род- ных детей (в 2007 г.)	Нет детей	13,2	25,8	45,2	15,8
	1 ребенок	6,6	19,9	24,1	49,4
	2 детей	1,3	4,7	9,3	84,6
	3 детей и более	0,8	5,5	5,7	88,0
Итого		6,8	16,6	25,4	51,2
<i>Интегральные репродуктивные намерения в 2011 г.</i>					
Число род- ных детей (в 2011 г.)	Нет детей	13,7	36,6	25,1	24,6
	1 ребенок	4,4	18,3	14,7	62,7
	2 детей	1,1	5,0	5,6	88,3
	3 детей и более	0,0	4,5	2,0	93,5
Итого		7,8	18,8	19,8	53,7

Источник: расчеты авторов на данных обследования РИДМЖ 2004, 2007 и 2011 гг.

В таблицах сумма по столбцу может отличаться от 100 % в связи с округлением значений.

Среди тех, кто определенно намеревался завести ребенка в течение 2004—2007 гг., только 51,5 % добились этого к 2011 г. (53,8 % женщин и 48,6 % мужчин). Среди не вполне уверенных в своих намерениях — 35,7 %. Доля состоявшихся первых и вторых рождений одинакова среди тех, кто планировал их на ближайшее время. Отложенные намерения родить первенца сбывались чаще, чем намерения родить второго ребенка: 34,2 % против 21,9 %.

Таблица 2. Доля женщин, родивших ребенка в 2004—2011 гг. в зависимости от репродуктивных намерений и числа детей в 2004 г., % от подвыборки женщин

	Все женщины	Нет детей в 2004 г.	Один ребенок в 2004 г.	Двое детей в 2004 г.
Определенно да, в ближайшие три года	51,5	51,8	54,4	30,0*
Пожалуй, да, в ближайшие три года	35,7	37,9	37,2	16,7*
Да, но не в ближайшие три года	24,6	34,2	21,9	10,3
Нет	4,2	9,0	4,3	3,4

* Менее 10 наблюдений. Подвыборка имевших трех и более детей в 2004 г. не представлена из-за недостаточного числа наблюдений по дальнейшим рождениям.

Источник: расчеты авторов на данных обследования РидМиЖ, панельная подвыборка 2004—2007—2011 гг.

В наших предыдущих исследованиях недостаточно внимания уделялось вопросу, в какой мере сохраняются нереализованные намерения родить ребенка и от чего это зависит. Полная цепочка изменения намерений представлена на рисунке 1, где в силу небольшого числа наблюдений определенные и не вполне определенные намерения объединены в одну категорию.

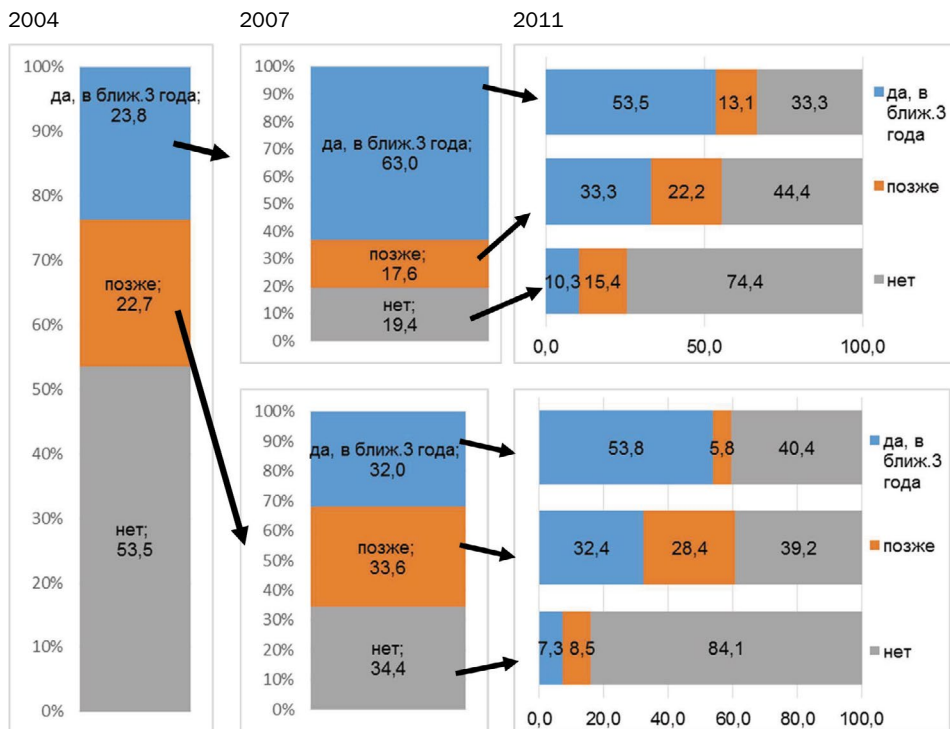
Динамика репродуктивных намерений в период между 2007 и 2011 гг. отличается от предыдущего периода. Мы используем полную панель, и это означает, что респонденты становятся старше. Именно возраст — главный фактор, из-за которого нереализованные репродуктивные намерения у части респондентов не переносятся на более поздний срок, а уходят вовсе.

Намерения родить ребенка в ближайшее время в значительной степени устойчивы: через три года сохраняется 63% из них, а 17,6% откладываются. Спустя еще три года, если рождения так и не происходит, сохраняется 53,5% ближайших намерений, а 13,1% переносятся дальше.

Одновременно с этим отложенные намерения (то есть намерения «родить <ребенка> более чем через три года») нередко продолжают откладываться. Так, только 32% из тех, кто в 2004 г. говорил, что хочет родить ребенка после 2007 г., при повторном опросе решали, что время пришло, и планировали рождение на ближайшие три года. Еще 33,4% продолжали откладывать рождение на все более поздний срок, а 34% и вовсе отказывались от своих намерений. К 2011 г. структура их репродуктивных намерений — при условии отсутствия рождения ребенка — становилась почти идентичной тем респондентам, которые в 2004 г. планировали рождение в ближайшие три года.

Переход из отрицательных намерений в положительные возможен, но редок: из тех, кто в 2004 г. не планировал рождение детей и не родил ребенка, 89% не изменили своих планов. При этом на рисунке 1 видна волатильность мнений: если в 2004 г. рождение планировалось, а в 2007 г. от этого намерения полностью отказались, то к 2011 г. оно могло вернуться (в сумме ближайших и отложенных намерений передумало почти 25% респондентов).

Рисунок 1. Динамика положительных репродуктивных намерений среди женщин, у которых не родилось ни одного ребенка в период 2004—2011 гг., % по строке

Источник: расчеты авторов на данных обследования РидМИЖ, панель 2004—2007—2011 гг., подвыборка женщин, которые во всех трех волнах отвечали на вопрос о намерениях (1246 наблюдений)¹².

Таким образом, если намерения родить ребенка в желаемый трехлетний срок не реализуются, они, как правило, сохраняются, и женщина снова говорит о желании родить ребенка в ближайшем будущем. Отложенные за трехлетний горизонт намерения нередко продолжают откладываться за пределы ближайшего будущего. Можно предположить, что наиболее сильными факторами отказа от намерений выступают репродуктивное здоровье, возраст женщины и распад брачно-партнерского союза. В следующем разделе статьи это предположение будет проверено на основе регрессионного анализа.

Факторы устойчивости нереализованных намерений

Число уже рожденных детей, возраст респондента, а также наличие, длительность и другие характеристики брака или партнерского союза — вот ключевые демографические факторы, влияющие на формирование репродуктивных намерений и успешность их реализации [Малева, Синявская, 2007; Синявская, Тын-дик, 2009]. На реализацию и сохранение намерений влияют события жизненного

¹² В 2011 г. в подвыборку попадают женщины до 50 лет; то есть на 2004 г. они находятся в возрасте 18—42 лет, а к 2011 г. им становится 25—49 лет.

пути (окончание образования, потеря работы или повышение в должности, переезд в другой город и т. д.), а также макроэкономические факторы, если они затрагивают конкретную семью (экономический кризис, безработица, военные конфликты, катастрофы и т. д.). К сожалению, даже панельное исследование не дает возможности в полной мере отследить такое влияние¹³: у нас нет информации, какое из событий в период между опросами произошло раньше — принятие решения о рождении ребенка или иное событие жизненного пути, а значит, нет возможности установить причинно-следственную связь, воздействие одних событий на другие. В данном случае можно говорить лишь о наличии или отсутствии значимой статистической связи между показателями. Тем не менее панельные опросы остаются лучшим источником данных для подобного анализа.

Чтобы выявить значимые связи, мы оцениваем мультиномиальную регрессионную модель, построенную на полной панельной подвыборке женщин, по состоянию на 2004 г. находившихся в возрасте 18—42 лет и имевших любые положительные репродуктивные намерения (как на ближайшие три года, так и отложенные). В зависимой переменной выделены три категории: «не родили ребенка в желаемый срок и отказались от намерений», «не родили ребенка в желаемый срок, но сохраняют намерения родить» (референтная), «родили ребенка в желаемый срок». В таблице 3 показаны результаты оценки такой модели, а в Приложении к статье справочно приведена аналогичная модель, оцененная для подвыборки, включающей не только женщин, но и мужчин.

Таблица 3¹⁴. **Результаты регрессионного анализа, подвыборка женщин; референтная категория — «не родили ребенка в желаемый срок, но сохраняют намерения родить»**

		B	Sig.	Exp(b)
Родили ребенка в желаемый срок	Сельская местность (реф. — городская)	0,365	0,140	1,441
	1 ребенок (реф. — нет детей)	-0,158	0,532	0,854
	2 детей и более	-0,408	0,071	0,665
	30—43 года (реф. — 20—29 лет)	0,513	0,065	1,670
	Был и есть партнер (реф. — не было и нет)	1,224	0,000	3,401
	Не было и появился партнер ¹⁵	1,678	0,000	5,352
	Высшее образование ¹⁶ (реф. — нет в. о.)	-0,324	0,198	0,723
	Трудно сводить концы с концами (реф. — нетрудно)	-0,494	0,029	0,610
	Мнение: для самореализации женщины дети не обязательны (реф. — обязательны)	0,520	0,095	1,683

¹³ Прямые ретроспективные вопросы также не дали бы полной и корректной информации в силу возможных искажений информации о прошлых событиях в воспоминаниях и интерпретациях респондентов.

¹⁴ Кроме того, в данную модель включались переменные по состоянию на 2004 г. (и оказались незначимы): характеристики занятости и жилья; индекс религиозности с учетом частоты посещения служб; степень согласия с утверждением «для ребенка дошкольного возраста обычно плохо, если его мать работает»; социально-психологические компоненты по методике, аналогичной исследованиям Екатерины Головляничной [Головляничина, 2007]; субъективная оценка степени зависимости решения о рождении от социальных факторов.

¹⁵ Партнерский статус определен по наличию партнера в домохозяйстве (учитываются как зарегистрированные, так и незарегистрированные браки).

¹⁶ Число не имевших, но получивших высшее образование за семь лет оказывается мало, поэтому в модели изменение сделано на 2004 г.

		B	Sig.	Exp(b)
Не родили ребенка в желаемый срок и отказались от намерений родить ребенка	Сельская местность	0,253	0,356	1,288
	1 ребенок	0,695	0,016	2,003
	2 детей и более	0,671	0,001	1,956
	30—43 года	2,098	0,000	8,147
	Был и есть партнер	0,336	0,225	1,400
	Не было и появился партнер	0,248	0,510	1,282
	Высшее образование	-0,126	0,643	0,882
	Трудно сводить концы с концами (в 2004 г.)	-0,037	0,880	0,964
	Для самореализации женщины дети не обязательны	0,891	0,007	2,438
Число наблюдений	591			
Нагелькерке г квадрат	0,354			

Источник: расчеты авторов на данных обследования РидМиж, панель опросов 2004—2007—2011 гг.; женщины, имевшие положительные репродуктивные намерения на любой срок; свободный член включен в регрессию, но опущен в таблице; замеры статичных контрольных переменных сделаны на 2004 г.

На вероятность родить ребенка в желаемый срок по сравнению с вероятностью сохранить нереализованные намерения эффект оказывает партнерский статус женщины, причем появление нового партнера влияет сильнее, чем продолжение стабильных отношений. Интересно, что наличие одного ребенка незначимо по сравнению с отсутствием детей, а наличие двух детей ожидаемо несет негативный эффект. Еще один значимый отрицательный фактор — низкое материальное положение по субъективной оценке женщины.

На вероятность отказа от нереализованных намерений родить ребенка по сравнению с их сохранением значимый эффект оказывает наличие как минимум двух детей и согласие с утверждением, что для самореализации женщины дети не являются обязательным условием. Однако самый сильный эффект наблюдается у переменной возраста — если женщина старше 35 лет. Из предыдущих исследований мы знаем, что возраст влияет нелинейно: на определенном рубеже он служит сильным стимулом к рождению ребенка (сейчас это рубеж в 30 лет, см. [Ипатова, Тындик, 2015]), после чего нарастает его ограничивающее влияние. Статус партнерского союза оказывается незначим — отказ от нереализованных в желаемый срок намерений возможен в равной степени как в стабильных союзах, так и вне их. Результаты анализа не выявили значимости для реализации и устойчивости намерений таких социальных факторов, как тип местности проживания и наличие высшего образования.

Влияние партнерского статуса дополнительно представлено в дескриптивной таблице 4. Доля женщин, реализовавших намерение родить в желаемый срок, значимо и ожидаемо варьирует по статусу партнерского союза. В то же время доля женщин, отказавшихся от нереализованных намерений, практически одинакова как в стабильных союзах, так и среди одиноких. Наконец, доля сохранивших нереализованные намерения выше всего среди одиноких (включая расставшихся с прежним партнером).

**Таблица 4. Динамика репродуктивных намерений
 в зависимости от партнерского статуса (2004—2011 гг.)**

	Хотели ребенка в 2004 г. и родили к 2011 г.	Хотели ребенка в 2004 г., не родили и сохранили намерения родить в 2011 г.	Хотели ребенка в 2004 г., не родили и отказались от намерений к 2011 г.
Партнер был в 2004 г., есть в 2011 г.	36,4	25,8	37,8
Партнера не было в 2004 г., появился партнер к 2011 г.	57,9	22,8	19,3
Прочее (не было и нет, не стало)	19,9	43,5	36,6

Источник: расчеты авторов на данных обследования РидМиЖ, панель 2004—2007—2011 гг.; подвыборка женщин, имевших положительные репродуктивные намерения на любой срок (591 наблюдение).

Реализация репродуктивных намерений в России: спустя еще десять лет

Для того чтобы оценить сопоставимость данных двух опросов, сравним распределение ответов на вопрос о репродуктивных намерениях в идентичных подвыборках опросов РидМиЖ и ЧСО (см. табл. 5). Сравнение столбцов 3 и 2 показывает, что при переходе от репрезентативной выборки к панельной в опросе ЧСО не произошло смещения в распределении ответов. Однако наиболее интересно сравнение столбцов 1 и 2, представляющих данные разных опросов. В 2017 г. респонденты намного чаще заявляли, что «определенно» собираются завести ребенка в ближайшие три года: 30,4% против 12,2% в 2007 г. В то же время суммарно о положительных репродуктивных намерениях в 2017 г. заявили 60,5% респондентов из панельной подвыборки. Эта оценка кажется чрезвычайно высокой, ведь при полной реализации таких намерений полученные результаты означали бы, что 60% всех мужчин и женщин репродуктивного возраста в период 2017—2020 гг. завели бы ребенка. Это невозможно, и значит, степень реализации намерений должна быть невысокой.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Собираетесь ли вы завести (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет?», подвыборки опросов 2007 и 2017 гг., в %

	1	2	3
	Ответы в 2007 г. респондентов, участвовавших потом в опросе 2011 г. (РидМиЖ по дизайну подвыборки ЧСО)	Ответы в 2017 г. респондентов, участвовавших потом в опросе 2020 г. (ЧСО)	Ответы всех респондентов в 2017 г.
Определенно нет	25,1	19,6	17,7
Скорее нет	32,2	19,9	20,2
Скорее да	30,5	30,1	28,4
Определенно да	12,2	30,4	27,8
Затрудняюсь ответить	—	—	6,0

Источники:

1. 2007 и 2011 гг.: расчеты авторов на данных обследования РидМиЖ. Здесь подвыборка сформирована в строгом соответствии с дизайном ЧСО (мужчины и женщины в возрасте 18—44 лет, давшие ненулевой ответ о желаемом числе детей), объем подвыборки составляет 1829 респондентов.
2. 2017 и 2020 гг.: расчеты авторов на данных обследования ЧСО. Объем анализируемой панельной подвыборки составляет 392 респондента.

Сравним уровень реализации «определенных» репродуктивных намерений на идентичных подвыборках с разницей в десять лет: он составил 38% в 2007—2010 гг. (35% среди мужчин, 40% среди женщин, см. табл. 6) и 34,5% в 2017—2020 гг. (30% среди мужчин, 41% среди женщин). Другими словами, при значительном расширении группы заявлявших о таких намерениях в 2017 г. уровень их реализации среди женщин остался неизменным, а среди мужчин незначительно снизился. Реализацию остальных категорий намерений мы приводим справочно, поскольку небольшой размер панельной подвыборки 2020 г. не позволяет анализировать их детально.

Таблица 6. Доля респондентов, родивших ребенка в период между опросами, %

Репродуктивные намерения		Оба пола	Мужчины	Женщины
<i>Рождения в 2017—2020 гг.</i>				
в 2017 г.	Определенно нет	11,7*	12,5*	10,8*
	Скорее, нет	11,5*	15,0*	7,9*
	Скорее, да	13,6	14,1	12,5*
	Определенно да	34,5	30,0	40,8
	В среднем	19,1	18,9	19,5
<i>Рождения в 2007—2010** гг.</i>				
в 2007 г.	Определенно нет	7,1	6,0	8,0
	Пожалуй, нет	12,5	11,5	13,2
	Пожалуй, да	21,4	18,9	23,3
	Определенно да	37,9	35,1	40,2
	В среднем	17,0	15,2	18,4

Примечания:

* малое количество наблюдений.

** несмотря на то, что опрос РидМиЖ был проведен в 2011 г., все рождения 2011 г. исключены для сохранения сопоставимой длины интервала наблюдения (3 года).

Источники:

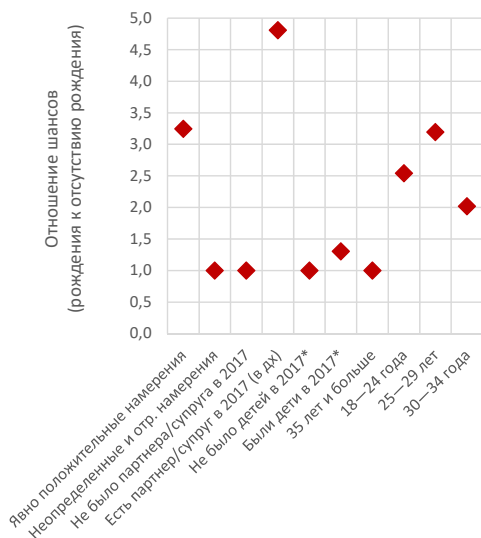
1. 2007—2010 гг.: расчеты авторов на данных обследования РидМиЖ. Здесь подвыборка сформирована в строгом соответствии с дизайном ЧСО (мужчины и женщины в возрасте 18—44 лет, давшие ненулевой ответ о желаемом числе детей), объем подвыборки составляет 1829 респондентов.

2. 2017 и 2020 гг.: расчеты авторов на данных обследования ЧСО. Объем анализируемой панельной подвыборки составляет 392 респондента.

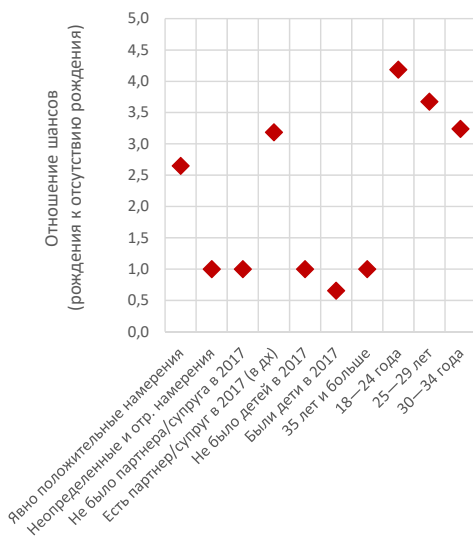
Далее оценим факторы, влиявшие в оба эти периода времени на шансы реализации рождения, на основе регрессионного анализа. В связи с небольшим размером выборки опроса 2020 г. независимая переменная намерений здесь сформирована дихотомически: «определенно намеренные» и «все прочие» (и в подвыборке РидМиЖ, и в подвыборке ЧСО). Использован метод бинарной логистической регрессии, где зависимая переменная принимает значение «1», когда рождение состоялось в желаемый трехлетний срок. Результаты регрессий для двух периодов наблюдений с разницей в десять лет представлены на рисунках 3а и 3б.

Рисунок 3. Факторы, определяющие шансы реализации репродуктивных намерений (при контроле прочих характеристик), в период 2017—2020 гг. (а) и 2007—2010 гг. (б)

а) 2017—2020 гг.

б) 2007—2010 гг.

Самая сильная связь рождения ребенка в 2017—2020 гг. наблюдается с фактором наличия супруга в домохозяйстве на период формирования намерений (в зарегистрированном или незарегистрированном браке). В 2007—2010 гг. влияние наличия супруга также было высоким, но не столь значительным.

Определенные положительные намерения значительно повышают шансы рождения ребенка в 2017—2020 гг. (в 3,2 раза). Кроме того, в 2017 г. сильно влияет возраст респондента: значительно повышают намерения все возрастные группы моложе 35 лет, но особенно сильно — в возрасте 25—29 лет. Неожиданным стало то, что наличие уже рожденных детей оказалось незначимым фактором. Другими словами, рождение первого и второго ребенка оказывается равновероятным при контроле прочих факторов. Во-первых, здесь стоит напомнить об особенностях формирования выборки и критериях ответа на вопрос о репродуктивных намерениях — он не задавался тем, кто отрицательно ответил на вопрос о желании иметь детей вообще, это могло сказаться на значимости данной переменной. Во-вторых, в течение периода наблюдения доля вторых и последующих рождений выросла¹⁷, а значит, разница в шансах появления ребенка у бездетных и однократных женщин сократилась.

В период 2007—2010 гг. мы видим несколько иную картину. Определенные положительные намерения значимы, но их влияние было чуть слабее (повышали шансы рождения ребенка в 2,6 раза по сравнению с иными намерениями при контроле прочих факторов). Вместе с тем значимо наличие детей: шансы рождения второго

¹⁷ В 2007 г. доля вторых рождений составляла 32,8%, а в 2020 г. — 36,2% (расчеты авторов на данных Росстата о естественном движении населения), при этом пик доли вторых рождений пришелся на 2016 г.

и последующего детей были значимо ниже по сравнению с шансами рождения первенца. Здесь также исключались респонденты с нулевым желаемым числом детей, однако доля таких респондентов в этом опросе была в два раза ниже (около 5% против 10% в 2017 г.), а значит, ограничения выборки слабее. Отмечается разное влияние возраста: самое сильное влияние в 2007 г. оказывалось не в возрастной группе 25—29 лет, а в самой младшей возрастной группе 18—24 лет.

В завершение отметим, что в 2020 г. около 80% респондентов, не реализовавших определенные намерения в желаемый трехлетний срок, не отказались от них и продолжают планировать рождение ребенка в ближайшей перспективе.

Выводы работы и обсуждение результатов

Представление о репродуктивном поведении как о последовательности решений иметь (еще одного) ребенка или нет заставляет переходить от попыток измерения общих репродуктивных установок (желаемое и ожидаемое число детей) к изучению намерений в разные моменты времени и в отношении заданного обозримого периода в будущем. Потенциально такой взгляд расширяет методологию изучения репродуктивного поведения как части жизненного пути, вписывая в него не только сам факт рождения ребенка, но и процесс принятия решения о рождении в контексте меняющихся социальных и экономических условий — личных и внешних. Использование такой методологии может опираться только на специализированные опросы рождаемости с панельным дизайном выборки, которых в России по-прежнему единицы. Поэтому в представленной работе мы не решаем задачу описания и исчерпывающей операционализации такого процесса, а лишь приближаемся к ее решению.

Внимание к краткосрочным репродуктивным намерениям отражает исследовательскую оценку современного мира как среды с высокой неопределенностью на макро- и микроуровнях. Будучи включенными в комплексный анализ репродуктивного поведения, краткосрочные намерения отражают настроения общества в отношении настоящего момента как подходящего или неподходящего для рождения ребенка. Степень их реализации в таком случае будет зависеть от соответствия реального жизненного контекста ожиданиям людей, а на генерализованном уровне изменения в репродуктивных намерениях и их пересмотр можно рассматривать как один из индикаторов социально-экономической обстановки в стране. При этом на индивидуальном уровне большее значение, как показывает это исследование, по-прежнему будут иметь события и обстоятельства личной жизни.

Из проведенного анализа, фокусом которого стало изучение динамики краткосрочных и отложенных намерений, их реализации, а также устойчивости нереализованных намерений, видна *инерция откладывания деторождения*. Во-первых, в работе показано, что намерения, отложенные за рамки трехлетнего периода, нередко продолжают откладываться дальше — снова за горизонт ближайшего временного периода. Во-вторых, если намерения родить ребенка в желаемый трехлетний срок не реализуются, они, как правило, сохраняются, и женщина снова говорит о желании родить ребенка в ближайшем будущем. Ключевым фактором отказа от нереализованных намерений выступает переход женщины в возрастную группу старше 35 лет.

Кроме того, проведенный в работе анализ выборочных данных указывает на изменения, происходящие в репродуктивных установках российского населения на длинном горизонте наблюдения. Если за 2004—2011 гг. принципиальных изменений в распределении ответов о намерениях отмечено не было, то за дальнейший 10-летний период они возникли: к 2017 г. респонденты стали значительно чаще декларировать «определенно положительные» репродуктивные планы (30 % против 12 %). Эти результаты могут отчасти объясняться постепенным усилением государственной поддержки семей с детьми с конца 2000-х годов и формированием позитивной повестки в отношении семей с детьми в целом и, в частности, многодетности. Безусловно, сопоставлять эти данные следует с осторожностью — важно учитывать различия в методологии сбора данных в обследованиях РидМиЖ и ЧСО. Однако формулировки и порядок вопросов о намерениях в двух этих опросах были идентичными; кроме того, обе выборки репрезентативны в целом по стране, поэтому мы считаем такие сравнения возможными. В то же время уровень реализации определенных положительных намерений среди женщин не изменился за весь период наблюдения и составил около 40 %.

Наиболее значимым фактором реализации положительных репродуктивных намерений на протяжении всего периода наблюдения оказывается партнерский статус, причем шансы появления ребенка повышаются как в связи с наличием стабильного партнерства (зарегистрированного или нет), так и в связи со сменой партнера. Следующий по силе влияния фактор — это возраст женщины. Здесь сопоставление данных за 2007—2010 гг. и 2017—2020 гг. показывает, что в последние годы по силе влияния на вероятность рождения ребенка «вперед» вышла группа 25—29 лет. Это соответствует трендам, видимым по макростатистике: средний возраст матери при рождении ребенка в России непрерывно повышается, приближаясь к 29 годам [Макаренцева, 2022].

Интерпретируя полученные результаты, необходимо отметить несовершенство стандартизированных опросов как методического инструмента измерения репродуктивных намерений и их реализации. К сожалению, анкета комплексного исследования не позволяет задать необходимое количество вопросов для получения сведений по такой сложной теме, корректно зафиксировать последовательность всех биографических событий и, что важнее, изменений в намерениях и планах респондента. Это ограничение можно преодолеть за счет увеличения частоты опросов панелистов, однако такой путь является затратным и позволяет решить лишь часть проблем. Перспективным направлением в данном случае может быть использование смешанных методов анализа — подключение качественных методов для более глубокого понимания самого механизма принятия решений, роли отдельных факторов в формировании репродуктивных намерений, их соотношения и последовательности их рассмотрения.

Список литературы (References)

Антонов А. И., Борисов В. А. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. М.: Ключ-С, 2006.

Antonov A. I., Borisov V. A. (2006) Russian Population Dynamics in the 21st Century and Demographic Policy Priorities. Moscow: Klyuch-S. (In Russ.)

Архангельский В. Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006.
Arkhangelsky V. N. (2006) Fertility Factors. Moscow: TEIS. (In Russ.)

Архангельский В. Н., Елизаров В. В., Зверева Н. В., Иванова Л. Ю. Демографическое поведение и его детерминация (по результатам социолого-демографического исследования в Новгородской области). М.: ТЕИС, 2005.
Arkhangelsky V. N., Elizarov V. V., Zvereva N. V., Ivanova L. Yu. (2005) Demographic Behavior and Its Determination (According to the Results of Sociological and Demographic Survey in the Novgorod Region). Moscow: TEIS. (In Russ.)

Архангельский В. Н., Васильева Е. Н., Васильева А. Е. Репродуктивные намерения современной российской молодежи и оценка возможностей их реализации // *Logos et Praxis*. 2021. Т. 20. № 3. С. 93—111. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10>.

Archangelsky V. N., Vasilieva E. N., Vasilieva A. E. (2021) Reproductive Intentions of Modern Russian Youth and Assessment of the Possibilities of Their Realization. *Logos et Praxis*. Vol. 20. No. 3. P. 93—111. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10>. (In Russ.)

Белова В. А. Число детей в семье. М.: Статистика, 1975.
Belova V. A. (1975) The Number of Children in the Family. Moscow: Statistika. (In Russ.)

Вакуленко Е. С., Макарова М. Р., Горский Д. И. Репродуктивные намерения и динамика рождаемости населения разных стран в период пандемии COVID-19: аналитический обзор исследований // *Демографическое обозрение*. 2022. Т. 9. № 4. С. 138—159. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16747>.

Vakulenko E. S., Makarova M. R., Gorskiy D. I. (2022) Reproductive Intentions and Fertility Trends in Different Countries during the COVID-19 Pandemic: An Analytical Review of Studies. *Demographic Review*. Vol. 9. No. 4. P. 138—159. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16747>. (In Russ.)

Головляница Е. Б. Роль социально-психологических факторов в репродуктивных намерениях // *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской*. М.: НИСП, 2007. С. 217—250.
Golovlyanitsina E. B. (2007) The Role of Socio-Psychological Factors in Reproductive Intentions. In: Maleva T. M., Sinyavskaya O. V. (eds.) *Parents and Children, Men and Women in the Family and Society*. Moscow: Independent Institute of Social Politics. P. 217—250. (In Russ.)

Гудкова Т. Б. Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы // *Демографическое обозрение*. 2019. Т. 6. № 4. С. 83—103. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10428>.

Gudkova T. B. (2019) Fertility Intentions in Russia: Motivation and Constraints. *Demographic Review*. Vol. 6. No. 4. P. 83—103. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10428>. (In Russ.)

Журавлева Т. Л., Гаврилова Я. А. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 21. № 1. С. 145—187. URL: <https://ej.hse.ru/2017-21-1/204563899.html> (дата обращения: 02.05.2023).

Zhuravleva T. L., Gavrilova Ya. A. (2017) Analysis of Fertility Factors in Russia: What Do the HSE RLMS Data Say? *The HSE Economic Journal*. Vol. 21. No. 1. P. 145—187. URL: <https://ej.hse.ru/2017-21-1/204563899.html> (дата обращения: 02.05.2023). (In Russ.)

Ипатова А. А., Тындик А. О. Репродуктивный возраст: 30-летний рубеж в предпочтениях и биографиях // Мир России. 2015. Т. 24. № 4. С. 123—148. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4921> (дата обращения: 02.05.2023).

Ipatova A. A., Tyndik A. O. (2015) Reproductive Age: 30 Years Old in Preferences and Biographies. *Universe of Russia*. Vol. 24. No. 4. P. 123—148. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4921> (accessed: 02.05.2023). (In Russ.)

Исупова О. Г., Уткина В. В. Женщины на государственной службе в России: карьера, семья, репродуктивные намерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 69—88. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.05>.

Isupova O. G., Utkina V. V. (2016) Women in the Civil Service in Russia: Career, Family, Reproductive Intentions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 69—88. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.05>. (In Russ.)

Макаренцева А. О. Динамика вступления в материнство в современной России // Мир России. 2022. Т. 31. № 1. С. 162—182. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-162-182>.

Makarentseva A. O. (2022) The Dynamics of Motherhood Entry in Modern Russia. *Universe of Russia*. Vol. 31. No. 1. P. 162—182. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-162-182>. (In Russ.)

Макаренцева А. О., Галиева Н. И., Рогозин Д. М. (Не)желание иметь детей в зеркале опросов населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 492—515. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1871>.

Makarentseva A. O., Galieva N. I., Rogozin D. M. (2021) Desire (Not) To Have Children in the Population Surveys. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 492—515. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1871>. (In Russ.)

Малева Т. М., Синявская О. В. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2007. № 5. С. 70—97. Maleva T. M., Sinyavskaya O. V. (2007) Socio-Economic Factors of Fertility in Russia: Empirical Measurements and Challenges to Social Policy. *SPERO. Social Policy: Expertise, Recommendations, Reviews*. No. 5. P. 70—97. (In Russ.)

Малева Т. М., Тындик А. О. Потенциал роста рождаемости в России: уроки мегаполиса // Журнал Новой экономической ассоциации. 2013. Т. 17. № 1. С. 137—158.

Maleva T. M., Tyndik A. O. (2013) Fertility Growth Potential in Russia: Lessons of the Megalopolis. *Journal of the New Economic Association*. Vol. 17. No. 1. P. 137—158. (In Russ.)

Рощина Я. М., Бойков А. В. Факторы фертильности в современной России. М.: Economics Education and Research Consortium, 2005.

Roshchina Ya. M., Boykov A. V. (2005) Fertility Determinants in Modern Russia. Moscow: Economics Education and Research Consortium. (In Russ.)

Семья в центре социально-демографической политики? Сборник аналитических статей / под отв. ред. О. В. Синявской. М.: НИСП, 2009.

Sinyavskaya O. V. (ed.) (2009) Is Family at the Center of Socio-Demographic Policy? A Collection of Analytical Articles. Moscow: Independent Institute of Social Politics. (In Russ.)

Синявская О. В., Тынди́к А. О. Рождаемость в современной России: от планов к действиям? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 2 / под общ. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. М.: НИСП, 2009. С. 9—44.

Sinyavskaya O. V., Tyndik A. O. (2009) Fertility in Modern Russia: From Plans to Actions? In: Maleva T. M., Sinyavskaya O. V. (eds.) *Parents and Children, Men and Women in the Family and Society*. Vol. 2. Moscow: Independent Institute of Social Politics. P. 9—44. (In Russ.)

Синявская О. В., Тынди́к А. О. Вклад репродуктивных намерений в объяснение рождаемости в современной России // Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 3 кн. Кн. 3 / под отв. ред. Е. Г. Ясина. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010. С. 22—30.

Sinyavskaya O. V., Tyndik A. O. (2010) The Contribution of Reproductive Intentions to the Explanation of Fertility in Modern Russia. In: Yasin E. G. (ed.) *International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development: in 3 vols*. Vol. 3. Moscow: HSE Publishing House. P. 22—30. (In Russ.)

Тынди́к А. О. Репродуктивные установки и их реализация в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 361—376. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3471> (дата обращения: 02.05.2023).

Tyndik A. O. (2012) Reproductive Attitudes and Their Realization in Modern Russia. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 10. No. 3. P. 361—376. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3471> (accessed: 02.05.2023). (In Russ.)

Ajzen I. (2005) Laws of Human Behavior: Symmetry, Compatibility, and Attitude-Behavior Correspondence. In: Beauducel A., Biehl B., Bosniak M., Conrad W., Schönberger G., Wagener D. (eds.) *Multivariate Research Strategies*. Aachen: Shaker Verlag. P. 3—19.

Ajzen I. (2011) The Theory of Planned Behaviour: Reactions and Reflections. *Psychology & Health*. Vol. 26. No. 9. P. 1113—1127. <https://doi.org/10.1080/08870446.2011.613995>.

Ajzen I., Fishbein M. (1980) Understanding Attitudes and Predicting Social Behavior. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Ajzen I., Klobas J. (2013) Fertility Intentions: An Approach Based on the Theory of Planned Behavior. *Demographic Research*. Vol. 29. P. 203—232. <https://dx.doi.org/10.4054/DemRes.2013.29.8>.

- Berrington A. (2004) Perpetual Postponers? Women's, Men's and Couple's Fertility Intentions and Subsequent Fertility Behavior. *Population Trends*. Vol. 117. P. 9—19.
- Billari F. C., Kohler H.-P. (2004) Patterns of Low and Lowest-Low Fertility in Europe. *Population Studies*. Vol. 58. No. 2. P. 161—176. <https://doi.org/10.1080/0032472042000213695>.
- Billari F. C., Philipov D., Testa M.-R. (2009) Attitudes, Norms and Perceived Behavioural Control: Explaining Fertility Intentions in Bulgaria. *European Journal of Population*. Vol. 25. No. 4. P. 439—465. <https://doi.org/10.1007/s10680-009-9187-9>.
- Bongaarts J. (1998) Fertility and Reproductive Preferences in Post-Transitional Societies. *Population and Development Review*. Vol. 27 (Supplement: Global Fertility Transition). P. 260—281.
- Dommermuth L., Klobas J., Lappegård T. (2011) Now or Later? The Theory of Planned Behavior and Timing of Fertility Intentions. *Advances in Life Course Research*. Vol. 16. No. 1. P. 42—53. <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2011.01.002>.
- Fishbein M., Ajzen I. (1975) Belief, Attitude, Intention, and Behavior: An Introduction to Theory and Research. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Fishbein M., Ajzen I. (2009) Predicting and Changing Behavior. The Reasoned Action Approach. New York, NY: Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9780203838020>.
- Heiland F., Prskawetz A., Sanderson W. C. (2008) Are Individuals' Desired Family Sizes Stable? Evidence from West German Panel Data. *European Journal of Population*. Vol. 24. No. 2. P. 129—156. <https://doi.org/10.1007/s10680-008-9162-x>.
- Miller W. B., Pasta D. J. (1995) Behavioral Intentions: Which Ones Predict Fertility Behavior in Married Couples? *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 25. No. 6. P. 530—555. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.1995.tb01766.x>.
- Morgan S. P. (2001) Should Fertility Intentions Inform Fertility Forecasts? Presented at the U. S. Census Bureau Conference “The Direction of Fertility in the United States” (2—3 October 2001, Alexandria, Washington, DC).
- Schoen R., Astone N. M., Kim Y. J., Nathanson C. A., Fields J. M. (1999) Do Fertility Intentions Affect Fertility Behavior? *Journal of Marriage and Family*. Vol. 61. No. 3. P. 790—799. <https://doi.org/10.2307/353578>.
- Schoen R., Kim Y. J., Nathanson C. A., Fields J., Astone N. M. (1997) Why Do Americans Want Children? *Population and Development Review*. Vol. 23. No. 2. P. 333—358. <https://doi.org/10.2307/2137548>.
- Sinyavskaya O., Billingsley S. (2015) The Importance of Job Characteristics to Women's Fertility Intentions and Behavior in Russia. *Genus*. Vol. 71. No. 1. P. 23—59.
- Tesfaghiorghis H. (2007) Fertility, Desires and Intentions: A Longitudinal Analysis. In: Wooden M., Rodgers B., de Vaus D. (eds.) *HILDA Survey Research Conference 2007 Proceedings*. P. 1—17. URL: <https://melbourneinstitute.unimelb.edu.au/assets/doc->

[uments/hilda-bibliography/hilda-conference-papers/2007/Tesfaghiorghis,-Habte_final-paper.pdf](#) (дата обращения: 02.04.2023).

Testa M.-R., Toulemon L. (2006) Family Formation in France: Individual Preferences and Subsequent Outcomes. *Vienna Yearbook of Population Research*. Vol. 4. P. 41—75.

Toulemon L., Testa M.-R. (2005) Fertility Intentions and Actual Fertility: A Complex Relationship. *Population & Societies*. No. 415. P. 1—4.

van de Kaa D.J. (2001) Postmodern Fertility Preferences: From Changing Value Orientation to New Behavior. *Population and Development Review*. Vol. 27. P. 290—331.

Van Hoorn W., Keilman N. (1997) Births Expectations and Their Use in Fertility Forecasting. Eurostat Working Paper No. E 4/1997-4. Luxembourg: Office for Publications of the European Communities.

Westoff Ch. F., Ryder N. B. (1977) *The Contraceptive Revolution*. Princeton, NJ: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400871759>.

Приложение

Результаты регрессионного анализа для подвыборки женщин и мужчин

		_B	Sig.	Exp(b)	
Хотели и родили ребенка	Женщины	0,311	0,060	1,364	
	Сельская местность	0,302	0,095	1,353	
	1 ребенок	-0,135	0,506	0,874	
	2 детей и более	-0,146	0,410	0,864	
	30—43 года	0,316	0,105	1,371	
	Был и есть партнер	1,707	0,000	5,514	
	Не было и появился партнер	1,949	0,000	7,022	
	Высшее образование	0,105	0,588	1,111	
	Трудно сводить концы с концами (в 2004 г.)	-0,183	0,272	0,833	
	Для самореализации женщины дети не обязательны	0,140	0,502	1,150	
Хотели, не родили и отказались от намерений родить ребенка	Женщины	0,394	0,033	1,483	
	Сельская местность	-0,001	0,997	0,999	
	1 ребенок	0,747	0,001	2,112	
	2 детей и более	0,765	0,000	2,149	
	30—43 года	1,916	0,000	6,793	
	Был и есть партнер	0,466	0,033	1,594	
	Не было и появился партнер	-0,131	0,651	0,877	
	Высшее образование	-0,034	0,875	0,967	
	Трудно сводить концы с концами (в 2004 г.)	0,289	0,112	1,336	
	Для самореализации женщины дети не обязательны	0,401	0,083	1,493	
Число наблюдений			1058		
Нагелькерке г квадрат			0,366		

Источник: расчеты авторов на данных обследования РИДМИЖ, панель 2004—2007—2011 гг.; свободный член включен в регрессию, но опущен в таблице; замеры статических контрольных переменных сделаны на 2004 г.